

Ислам Узалов

ПАЗЛ

Ислам Узалов

ПАЗЛ

«Издательские решения»

Узалов И.

ПАЗЛ / И. Узалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518983-7

Книга представляет собой сборник эссе, из увидевших свет за последние 15 лет. В них автор показывает своё отношение к самым разным проявлениям в современной жизни дагестанского общества. В отличие от десятилетиями сложившейся традиции дагестанской литературы представлять её в сказочно-лубочном стиле, автор демонстрирует как довольно жёсткое, отрицательное отношение к проявлениям в ней негатива, так и спокойную, без фанатизма оценку всего положительного.

ISBN 978-5-00-518983-7

© Узалов И.

© Издательские решения

Содержание

ЛЮДИ ГИБНУТ ЗА МЕТАЛЛ?	7
Предисловие	7
Водитель и две дамы	8
Дезинфекторы	9
Принцип Аль-Капоне или три большие разницы	10
Министр	11
Принцип Шарикова-I (Отнимать и делить)	12
Принцип Шарикова-II	13
Протектор	15
«Чистый» завскладом	16
Пи-пи и «Корейко» с миллиардами	17
Дорога в ад	18
Народный контролёр	19
Железная леди	20
Двойная мораль	22
Директор	23
Отец сторожа	24
Национальный вопрос	25
Живее всех живых	27
Если пожелает Аллах (иншалла)	28
Привет Кафке	29
Объявление в газете	30
Цветы	31
Мама	32
Владимир Высоцкий	33
Исмаил	34
Гасан и криворучки	35
Пресвятая Богородица и свалка истории	36
В ожидании графа	37
Противоестественный отбор	38
Любовь – морковь	39
Мародёр	40
Ложная тревога	41
Национальный ответ	42
Поход «дуры» в МГУ	44
Нукри! Нукри!...	45
Соломонова мудрость	46
Закон полотенца	47
Правоохранители	48
Закон природы	49
Гимн-I	50
Гимн-II	51
Вторая из древнейших	52
Ветви власти	53
Женский вопрос	54
ильич – это голова!	55

Предатель	56
Через назад	57
Еврейская морда, или Мимино-2	58
Календарь бабушки Зайнаб	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

ПАЗЛ

Ислам Узалов

© Ислам Узалов, 2020

ISBN 978-5-0051-8983-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЮДИ ГИБНУТ ЗА МЕТАЛЛ? **(Из цикла «Невыдуманные рассказы»)**

Предисловие

То, что мы живём во времена, когда всё покупается и продаётся, уже стало общим местом. Тем не менее, в жизни далеко не всё так однозначно.

Светлое и тёмное – рядом.

Как-то мне довелось услышать рассказ, который послужил толчком, заставившим вспомнить ещё ряд других, имеющих отношение к делам меркантильным, и не только.

Мало того, я стал их собирать, а заодно вспоминать про некоторые события, имеющие отношение и лично ко мне.

В результате сложилась коллекция достаточно интересных, на мой взгляд, историй, которая грозит стать бесконечной, поскольку жизнь в своих проявлениях, как известно, тоже бесконечна.

Водитель и две дамы

Водитель махачкалинской маршрутки обнаружил в салоне сумку. По соображениям безопасности, как нас учит милиция, ему, наверное, следовало ничего не трогать и сообщить куда следует – вдруг бомба.

Немец или японец, конечно, так и поступили бы.

На то они – не мы.

Наш же соплеменник, не мудрствуя, открыл сумку и обнаружил в ней вовсе не бомбу, а несколько пачек долларов плюс пятьдесят тысяч рублей, а также документы, имеющие отношение к какой-то недвижимости.

На конечной остановки он простодушно отдал находку даме, работающей официанткой в кафе, где обычно обедают водители их маршрута, с просьбой передать хозяйке, которая наверняка объявится, и поехал дальше, собирая с пассажиров свою четырёхрублёвую дань.

Хозяйка действительно объявилась.

Может в слезах, а может, нет. Не знаю.

– На этом месте рассказа своего собеседника я напрягся, ожидая услышать историю про то, как официантка выкинула какой-нибудь фортель с этими деньгами, но ошибся.

Всё обошлось как нельзя лучше.

Задав несколько наводящих вопросов, она вручила хозяйке всё её немалое состояние.

Водитель же в это время продолжал колесить где-то по городу на своём стареньком рафике.

Благодарная дама, под впечатлением от вновь обретённого богатства, вытащив из сумочки... двадцать рублей (!), попросила официантке предать их в знак признательности неизвестному благодетелю.

Кафейная дама, спокойно приняв кончиками пальцев две десятирублёвки, помахала ими в воздухе и вернула обратно, сказав: Мага просил передать вам деньги вовсе не потому, что нуждался в двадцати рублях.

И где только она в тот момент эти слова нашла?

Мне бы так не удалось.

Дезинфекторы

Как-то, зайдя в маршрутку, я обратил внимание на объявление, которое было наклеено на стекле её двери:

УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ

- Проезд детей до десяти лет – бесплатно;
- Проезд пенсионеров в возрасте свыше 70 лет и инвалидов – бесплатно;
- Проезд тем, у кого нет денег, – бесплатно (садакъя).

Конечно же, больше всего меня впечатлил последний пункт.

Мой возраст уже достаточно пенсионный, к тому же инвалидность... Однако, я с удовольствием оплатил проезд, поскольку и деньгами располагал, и посчитал, что не следует без нужды эксплуатировать человеческую доброту.

Видимо, не только я так думал, поскольку за всё время моей долгой поездки ни один из входивших и выходящих пассажиров не воспользовался возможностью проехать без оплаты, сославшись хотя бы на отсутствие денег.

Добро обладает магическим свойством дезинфицировать окружение, очищая его от бактерий человеческих пороков, которыми мы все в той либо иной степени обладаем.

Святых в природе не существует.

– Есть ли исключения из этого правила?

– К сожалению, да.

На уродов с окончательно деформированной психикой оно не распространяется.

Рак дезинфекцией не лечится.

P.S. Когда я, придя домой, рассказал о своём открытии супруге, выяснилось, что это для неё не новость.

Оказывается, таких маршруток в Махачкале работает немало. Причём, водители, хоть, сами понимаете, – не миллионеры, но чьё финансовое положение позволяет, прибегают не только к подобной форме благотворительности. К примеру, некоторые по пятницам – выходной день в мусульманском календаре – целый день обслуживают пассажиров бесплатно.

А недавно выявился ещё один феномен – в фейсбуке один пользователь поместил фото объявления, где водители одного из маршрутов поздравляли нашу прекрасную половину с праздником 8 марта и сообщали, что для них поездки в этот день бесплатны.

Интересно, есть ли ещё где-нибудь в России что-то подобное?

P.P.S. Недавно вновь пришлось проехать на маршрутке, где при моей попытке оплатить за проезд, водитель, улыбаясь покачал головой и сделал жест ладонью, предостерегавший от этого.

Я несколько опешил и, поблагодарив, вышел из автомобиля, а после никак не мог прийти в себя.

Неужели я со стороны выгляжу нуждающимся в такой благотворительности?

Но после успокоил себя: Я ведь, независимо от того как выгляжу, действительно уже который год пенсионер, а человек, видимо, всех пенсионеров стригёт по одну гребёнку.

Принцип Аль-Капоне или три большие разницы

Благотворительность в той либо иной форме становится привычной для нашего общества, но при этом нередко её плодами пользуются законченные мерзавцы.

Один дагестанский предприниматель, проживающий за пределами нашей солнечной республики, решил облагодетельствовать родные пенаты.

Он выделил деньги для оснащения всех школ своего района самым современным компьютерным оборудованием.

В результате была приобретена техника позавчерашнего дня, а разница в цене исчезла в неизвестном направлении.

В результате благотворитель плюнул и тоже исчез.

Другой дагестанец, занятый торговым бизнесом, тоже решил облагодетельствовать, но уже свой район и выделил трубы, необходимые ему для строительства водопровода.

И тут приезжает какой-то районный чинуша и просит выписать документ, подтверждающий, что именно он – чинуша закупил эти самые трубы?!

Если кто не понял, – с этим самым документом он, конечно же, собирался идти в районную бухгалтерию, которая, оприходовав трубы, выдаст чинуше сумму, которую тот, якобы, заплатил за них.

Отгадайте с трёх раз слово из трёх букв, куда, поражённый беспредельной наглостью посетителя предприниматель, отправил его.

Третий, но уже авторитетный предприниматель выделил 350 миллионов рублей на строительство в родном селении новой школы.

Однако, при этом предупредил главу администрации, что если тот украдёт хотя бы один рубль, то закопает его живьём.

Школа была успешно построена.

Мало того, строительство обошлось лишь в 300 миллионов и оставшиеся деньги главой были потрачены на строительство крытого спортивного зала, который проектом почему-то не был предусмотрен.

Благотворитель на этот счёт никаких претензий, естественно не предъявил, но зато бедолага теперь не знает как его узаконить. Дело в том, что формально ни в каких планах зал не фигурирует и поэтому районная администрация отказывается принять его на баланс.

Министр

Недавно у меня появилась проблема, решение которой входило в компетенцию одного из министров.

Я встретился с ним и выяснилось, что в тот момент он не в состоянии помочь.

Это было действительно так и я уже собрался уходить, не тая обиды, когда он сделал предложение, которое отличалось от того, что хотелось мне, но результат, в конечном итоге, получался куда более интересным, чем тот, на который претендовал. Предложение, «от которого невозможно отказаться», было настолько неожиданным, что ответ на него я обещал дать только на следующий день. Естественно, оно мною было принято.

Поскольку у министра не было перед моей персоной никаких ни должностных, ни личных обязательств на этот счёт, да и, вообще, он по собственной инициативе предложил то, о чём и не просил, я посчитал себя должником и всё порывался каким-нибудь образом ликвидировать задолженность, однако, все попытки были пресечены.

Он сказал, что ему достаточно просто благодарности человека, оценившего сделанное.

Во избежание двусмысленности, нужно сказать, что при этом ничего, выходящее за рамки закона министр не совершил.

Причиной же его действий послужило то, что, оказывается, еще в школьные годы мы с ним, как он выразился потом, «ходили в Буйнакске по одной улице Ленина, а отцов наших связывала дружба».

Я знал, что мы из одного города, но он несколько моложе меня и, наверное, поэтому в молодости никакого знакомства между нами не было.

Позже наши пути также никогда не пересекались, поскольку занимались совершенно разными делами, да и про отношения наших родителей, к стыду своему, не подозревал. И вообще, я встречался с ним, без всякого расчёта на прошлое, не видя для этого оснований. Это он сам, как вы поняли, просветил меня о нём, хотя мог и промолчать.

К рассказанному могу лишь добавить (для национально озабоченных), что оба персонажа этой истории есть лица разных национальностей.

Такая вот история.

Принцип Шарикова-І (Отнимать и делить)

Я учился в Москве и, после окончания первого курса, нас отправили на уборку урожая в Астраханскую область.

Июль, жара под сорок и более градусов, голая степь, ни дуновения ветерка.

Наш отряд занимался чёрт знает чем. Чуть ли не сбором колосков. Было непонятно вообще, для чего нас – двести пятьдесят человек, сюда послали.

Ребята не особо усердствовали, тем более, что жара не располагала.

Но был один участок, где не было возможности отлынивать.

На него я и попал со своей бригадой.

Это был пункт приёмки зерна.

Никакой механизации, грузовики (не самосвалы, а бортовые) с зерном постоянным потоком с рассвета до самой темноты и мы оголённые, в одних плавках, без перерывов машущие на кузовах совковыми лопатами.

Чёрные от смеси загара и пыли и лишь на минутку под тент, чтобы попить воды.

Ребята среди нас были разные, но никто не позволял себе никаких послаблений, ибо это означало дополнительную нагрузку на остальных, работающих на пределе.

Зерно оказывается довольно тяжелая штука.

Могу добавить, что по возвращению в Москву, взвесившись в Сандуновских банях, которыми вся бригада бредила, работая на току, я нашёл себя, и ранее не бывшего особым толстяком, похудевшим на десять килограммов.

Пришло время уезжать и встал вопрос оплаты за труд.

Ну и выбрали для этого отрядную комиссию, а меня – её председателем.

Итоги оказались такими, что все остальные двести пятьдесят человек скопом заработали меньше, чем одна наша небольшая бригада из шести человек.

На заседании комиссии все обратились в мою сторону и я, как сын своего времени, предложил разделить заработанное поровну.

Не в отрядных бригадах, в зависимости от заработанного каждой из них, если кто не понял, а по отряду в целом.

Никто мне не возразил и все заработанное тяжелейшим трудом нашей бригады, было размазано по всем двум с половиной сотням человек.

В моей бригаде по этому поводу тоже никто не стал что-либо мне говорить. Отношения не изменились.

То ли, потому, что они тоже были детьми своего времени, то ли потому, что не хотели обижать меня – дурака.

Прошло время, «масла» в моей голове стало побольше и до сих пор, как вспомню, мне бывает стыдно за то, как распорядился не принадлежащими мне результатами труда этих прекрасных ребят.

Принцип Шарикова-II

После окончания института я вернулся домой в Буйнакск и начал работать по своей специальности в автоколонне, где имелось только что отстроенное здание клуба.

Начальник наш, для придания ему особого блеска, пригласил художников из Махачкалы и, вероятно, желая положиться на коллективный разум, созвал для обсуждения их предложений своих искусствоведов в лице инженерно-технического персонала.

Идея художников была проста, как квадрат Малевича, – покрыть громадное пространство стен клуба от пола до потолка росписями на темы народной жизни и вдобавок обвесить их же чеканками на ту же тему.

Оплата шла на квадратные метры, которые оценивались очень даже и, в конечном счёте, труды мастеров кисти и чекана должны были обойтись предприятию чуть ли не во столько же, во сколько и строительство самого клуба.

Возможно, предлагаемые картины могли бы затмить Рафаэля, но клуб – не храм, а начальник автоколонны – не Папа Сикст.

Мне было очевидно, что с первыми же посетителями, росписи начнут обогащаться надписями типа «я здесь был», а через год...

И вообще все эти слащавые картины показались мне чепухой, не имевшими никакого отношения к функциям этого заведения.

На следующий день, набравшись наглости, я зашёл к начальнику и сказал ему, что могу отделать помещение за сумму во много раз меньшую и совсем по другому.

Мало того, если результат ему не понравится, то может вообще не платить.

Уж не помню, какое при этом у него было выражение лица, но, в конечном итоге, через несколько дней показал ему эскизы и получил согласие.

Если учесть, что я не имел никакого художественного образования и никогда ничем подобным не занимался, он, конечно, сильно рисковал своим клубом.

Взяв отпуск, уже положенный мне с начала трудовой деятельности, а потом ещё месяц – полтора без содержания, я принялся за дело. Начальника во время работы старался к клубу не подпускать, когда же, по завершению пригласил, то он, обзрев всё, изрёк что-то вроде «плевал я на любую проверку, которая скажет, что не на то потратил деньги» и честно выплатил обещанное.

Однако, всё рассказанное не история, а предыстория. История же вот такая:

В автоколонне был таксист, о котором я случайно узнал, что он сын кумухского кузнеца, иногда упоминавшегося в воспоминаниях моего уже умершего деда Иман-Али.

(Дед был прекрасным рассказчиком, много чего видел и знал и мы детьми по вечерам обожали слушать его истории.)

После этого я стал реагировать на водителя чуть ли не как на близкого родственника, хотя он не был даже дальним.

Дела у него шли не особо, несколько раз его даже отстраняли от работы за грубые нарушения дисциплины и мне пришлось хлопотать за него.

Так вот, именно в очередной период его вынужденного простоя я и предложил ему поработать со мной.

Работы было много. Я вкалывал без выходных, «как папа Карло». На помощь, в свободное время по воскресениям, приходил брат, а напарник то появлялся, то исчезал под всякими предложениями и, помнится, вроде бы даже ни одного дня полностью не отработал.

Когда пришла пора платить, то с учётом того, что идея, эскизы и весь квалифицированный труд был мой, а львиную долю не особо квалифицированного выполнял тоже я сам с бра-

том, напарнику за труды тяжкие, по справедливости, полагалось от силы процентов десять от общей суммы

Наверное, со студенческих лет «масла» в моей голове не особо прибавилось. Я взял и опять «честно» разделил деньги поровну.

Он спокойно, как должное, взял свою половину и, вдобавок, попросил, чтобы его жене, если спросит, я назвал сумму вдвое меньшую, чем он получил на самом деле.

Слава богу, жена ничего не спрашивала и мне не пришлось ей врать.

Протектор

Как я уже сказал, после окончания института моя трудовая деятельность началась в Буйнакске.

Спустя несколько месяцев после клубной эпопеи наш начальник – любитель искусств был переведён с повышением в Махачкалу.

Мужик он был, да и есть, что надо и, хотя его преемник тоже был неплох, но что-то в атмосфере автоколонны изменилось, вызывая ностальгию. Не зря всё-таки наши дамы прослезились, когда он на прощание в том самом клубе представлял коллективу нового шефа.

Через некоторое время мне передали, что прежний начальник хочет видеть меня, и я, созвонившись, поехал на встречу.

На ней он совершенно неожиданно сообщил, что хочет рекомендовать меня на должность руководителя вновь создаваемого производственного объединения.

Нужно сказать, что нас, кроме работы, до которой я его вообще не знал, не связывали ни родственные узы, ни национальная принадлежность, ни даже соседство.

На работе тоже не связывало ничего кроме официальных отношений.

Мало того, такой карьерный скачок через две-три ступени, да ещё для двадцатипятилетнего молодого человека по тем временам (да и сейчас) казался немислимым вообще.

Что интересно, по своему статусу предлагаемая должность была не ниже уровня той, который занимал в тот момент сам, рекомендовавший меня. Разница была только в том, что в отличие от меня – желторотого, он был достаточно опытен и влиятелен.

В конце – концов, благодаря именно этому влиянию, несмотря на вполне понятный скепсис других, я получил назначение.

Наверное, я ему чем-то показался.

Наверное, он хотел, чтобы где-то рядом был человек, на которого, считал, может положиться.

Вместе с тем, думаю, он мог бы посодействовать в этом деле кому-то другому и более взрослому, и по причинам родственным, национальным и даже чисто финансовым (уверяю вас, что в те времена должности тоже чего-то стоили), готовому смотреть ему в рот и предупреждать желания.

Однако, он почему-то сделал другой выбор.

Кстати, наиболее сопротивлялся назначению и пакостничал мне в дальнейшем по работе, как раз, один из моих соплеменников.

Во всём этом деле самым неприятным для меня могло быть, если бы оказалось, что я впоследствии дал кому-либо повод для упрека ему в связи с моей профессиональной несостоятельностью.

К счастью, о том, что я не оправдал данных им гарантий относительно меня, он никогда не говорил.

«Чистый» завскладом

Таксист с «зачачкой» от жены подарил мне ещё одну историю.

Уже, работая в Махачкале, у меня был филиал в Буйнакске.

Там как-то образовалась вакансия на должность заведующего складом, куда и был с моей подачи назначен этот самый товарищ. Спустя некоторое время, до меня начали доходить слухи, что он себя ведёт не так как положено, в том числе пытается игнорировать своего прямого начальника, вероятно рассчитывая на особые отношения со мной.

Уже не помню, как я конкретно разобрался с этим, но точно знаю, что всю жизнь, как руководитель, придерживаюсь принципа никогда не лезть через головы начальников к их подчинённым. Они должны иметь на них все предусмотренные законом права ну, и соответствующую ответственность передо мною, естественно. А раз так, то мой бывший сотоварищ по искуству был поставлен мною на то место, где ему и полагалось быть.

Но история не об этом, а о том, что вскоре я ушёл с той работы, а буквально вдогонку является этот друг и сообщает, что у него обнаружилась недостача, что его дела очень плохи, что он должен увольняться, но чтобы всё закончилось только этим, ему нужно как-то закрыть недостачу ибо его начальник, который, якобы, имеет на него зуб за прошлое, уже без меня, непременно посадит его.

Смысл же визита заключался в том, чтобы я задним числом утвердил акт на списание всего недостающего, что за ним числилось.

Я ответил, что это невозможно именно потому, что задним числом и, что не менее важно, не вижу объективных оснований для такого списания. Мало того, до моего утверждения акта, на нём, в первую очередь, должна стоять подпись его непосредственного начальника.

Да и вообще, то, что растратил, надо восстанавливать.

Не помню, о какой сумме шла речь, но она по тем временам была достаточно внушительной.

После моего отказа началась настоящая осада.

В помощь был привлечён его зять – преподаватель пединститута, учившийся, оказыва-ется, ещё у моего отца, в память о котором я должен был сделать то, что должен.

В конце концов, они меня добились и под честное слово обоих, что вместе с актом директору филиала будет представлено заявление об увольнении я, как дурак (опять проблема «масла» в голове), подписал этот самый акт.

На следующий после этого события день ко мне с потерянными видом приезжает буйнакский директор – мой бывший подчинённый и сообщает, что заведующий складом вручил ему акт на списание и заявил, что он чист, как ангел, и никуда не собирается увольняться.

Я прерву повествование на последовавшей за этим немой сцене, чтобы не портить эффекта.

Пи-пи и «Корейко» с миллиардами

А вот история, случившаяся уже в другое время и в другой организации.

Была у меня в Дербенте одна структура, руководителя которой я отправил в Невиномыск за запасными частями.

Он уехал и пропал. С базы сообщили, что товар отпущен и КАМАЗ, заполненный им, уже уехал.

Я подумал, что может в дороге, что случилось.

Действительно так и оказалось.

Вскоре мой посланец объявился и рассказал историю. Она была фантастической.

Оказывается, по пути на трассе ему захотелось пи-пи и он, остановив автомобиль, побежал в кусты, а в самый интересный момент негодяй камазист, которого он нанял там же, с полным кузовом запасных частей рванул с места и только его и видели.

На вопрос, почему он не заявил в ближайшее отделение милиции ответа, естественно, не было.

Пока я разбирался с этим делом, приехал его отец, которого немного знал.

Он начал вздыхать и бить себя ладонями по коленам со словами: – Ах, негодяй, ах, негодяй! Ислам, что же делать? – чем ввѣрг меня в изумление.

Причиной изумления было то, что он сам, чѣрт-те сколько лет проработавший руководителем, лучше меня знал, что в подобных случаях все материалы должны немедленно передаваться в прокуратуру.

Мало того, до этого в разговоре я сказал ему, что если недостача будет немедленно погашена, то из-за уважения к нему, готов взять на себя всю ответственность и никуда ничего не сообщать и отпустить его сына с миром. То есть, фактически, я подставлял себя.

Здесь же, следует отметить, что папаша этот был не какой-то там бедолага, а дербентский «корейко», о котором в народе было известно, что в его закромах накоплено столько, что он подобно туркменбаши может сам себе поставить золотой памятник из золота.

«Корейко», ничего не ответив мне, уехал, но вскоре опять появился и сцена вновь повторилась один к одному. И так несколько раз.

Когда он в очередной раз явился, и вновь, вздохнув и обозвав сына негодяем, спросил: -Ислам, что же делать? У меня отказали тормоза.

Я открытым текстом обозвал его м. м и, послав к соответствующей матери, выставил из кабинета, после чего направил документы в прокуратуру.

Всѣ остальное уже другая история. Может когда-нибудь и вернусь к ней.

Скажу только, что один из его сыновей, как мне сообщили, сильно обижался, что я так невежливо обошёлся с его папенькой. Угрызений совести у меня это не вызвало.

Сам же папенька однажды, совершенно неожиданно оказавшись со мной в одной компании, вдруг зачем-то стал говорить о том, чтобы я не думал, что у него нет денег. Их у него, оказывается «миллиарды. . . , миллиарды. . .».

Ничего кроме брезгливости у меня это, конечно же, вызвать не могло.

Дорога в ад

Как-то раз мне с одним товарищем пришлось выехать в Хунзах на соблезнование.

Мы могли бы управиться за один день, но он был родом из расположенного рядом небольшого селения, названия которого уже не помню, и, конечно же, не мог вернуться в Махачкалу, не навестив родителей.

Отдав свой долг родственникам усопшего, мы поехали в этот аул, где и переночевали в скромном доме его отца.

Утром, после завтрака, прощаясь с нами, отец товарища – старый сельский учитель вручил нам два совершенно одинаковых пакета, в котором лежали по куску овечьего сыра и сушённой колбасы.

Сыну и мне – человеку, которого он видел впервые в жизни и неизвестно, увидит ли ещё когда-нибудь, он фактически оказал абсолютно одинаковое внимание.

Меня растрогал этот, вроде бы обычный для дагестанца поступок, когда хозяин ради гостя может даже отказать себе в чём-либо, и по дороге думал, что бы сделать ему приятное в ответ.

Вспомнив, что видел у него на столе какой-то дряхлый, потемневший от времени транзисторный радиоприёмник, видимо, служивший окном в мир, решил купить и передать ему через сына что-нибудь более современное и качественное. Однако, по возвращению как-то закрутился в суете дел рабочих и домашних.

Иногда вспоминал о своем намерении, но всегда почему-то невпопад – то поздно ночью, то рано утром, то ещё что-то мешало сразу поехать в магазин и купить.

Прошло много лет и у меня давно уже потеряна связь с его сыном, да и старика, наверное, нет в живых, а я до сих пор всё ещё покупаю ему приёмник.

Народный контролёр

Была как-то у меня в одном из районов небольшая организация.

По этой причине начальник её – почтенный человек, имел соответствующую ей небольшую зарплату.

Семья же у него была большая и для того, чтобы как-то помочь, по его же просьбе я принял туда и жену, хотя работы для неё, как штатного работника не было никакой.

Честно говоря, она там лишь числилась, а я таким образом повысил зарплату её мужу.

Так продолжалось несколько лет, но в какой-то момент обстоятельства сложились так, что содержать жену стало невозможно и я, пригласив мужа, выразил сожаление и сказал, что придётся штат сокращать.

Тут началось нечто неожиданное.

Он стал энергично возмущаться, сначала устно, а когда получил на руки приказ о сокращении, то посыпались жалобы в разные инстанции.

Ладно бы только на факт увольнения, но он начал буквально поливать меня по чёрному, обвиняя в самых невероятных вещах. Прямо иллюстрация к поговорке о добре, за которое тебе потом отомстят.

Добралась жалоба и до республиканского комитета Народного контроля. Если кто не знает, то была в советские времена такая организация с правами прокуратуры и МВД вместе взятых.

Явился оттуда какой-то многозначительно улыбающийся субъект и начал проверку, увенчавшуюся актом.

Часть акта состояла из столь очевидных глупостей, что в объяснительной записке указывать на них было одно удовольствие. Другая же часть представляла собой нечто невразумительное, которое вообще невозможно было понять. На дурацкую жалобу ещё более дурацкий акт.

На мою просьбу объяснить смысл того или иного предложения он лишь улыбался и говорил, что в комитете поймут.

Я взорвался и, не дожидаясь вызова, сам поехал туда. Председателя не было, а первый заместитель, перед которым я положил акт с просьбой пояснить мне смысл некоторых фраз, прочёл его и впал в задумчивость, выйдя из которой, начал рассказывать о том, какой замечательный человек автор этого самого документа.

В конце – концов, в комитете тоже, вроде, поняли что к чему и жена осталась уволенной, меня не четвертовали и, к тому же я сам, разъярённый клеветой и проверками, уволил вдогонку и самого пакостника, у которого и без этого хватало грехов.

Но это не всё.

После увольнения он явился ко мне в кабинет вместе с ходатаем – вполне вроде приличным человеком, к тому же знакомым мне доктором наук из пединститута (что-то мне везло на ходатаев из этого самого института), который начал настойчиво уговаривать меня восстановить его в прежней должности.

Самое поразительное, что он никак не хотел понять невозможность этого после всего происшедшего.

Выслушав мой рассказ о мерзостях, учинённых его протеже в знак благодарности за сделанное, он должен был, наверное, извиниться и уйти, а он – профессор ушёл обиженным.

Железная леди

Во времена СССР советский человек имел право на загородный садово-огородный участок, называемый в народе дачей. И ещё имел он право иметь на этом участке садовый домик – комнатка с верандой строго ограниченных размеров каждая. Не дай бог их нарушить. Метр влево, метр вправо – огонь на поражение

Вот и я, получив надел, начал строить свой домик.

Собственно говоря, только на начало в виде фундамента и цоколя у меня и хватило времени и терпения после чего стройка замерла на несколько лет.

И вот в этот «мёртвый» для меня строительный сезон в республике началась очередная компания против злодеев, которым не хватало дачных квадратных метров и они строили черт-те что.

Комиссия, среди прочих, наткнулась и на мою незавершёнку. Измерив её без меня и почему-то решив, что фундамент подготовлен только под комнату, а не комнату с верандой, хотя там явно было видно это разделение, она внесла меня в список, который для начала попал в райисполком (прообраз нынешней районной администрации).

Кампания была начата обкомом КПСС и как я не пытался с чертежами в руках объяснить главе управления жилищно-коммунального хозяйства, что размеры моего фундамента точно вписываются в нормы, определённые для комнаты с верандой, он ничего не хотел понимать.

На него магически действовал акт, где фигурировала только слово комната, а от слова «обком» вообще наступал паралич мозга.

Материалы были переданы в райком партии.

Я знал неплохо его первого секретаря и, встретившись с ним, объяснил ситуацию. Он сказал, что если всё так, как сказал, то, действительно, и говорить не о чем, но так как материал уже поступил, мне придётся всё-таки придти на заседание бюро райкома, где вопрос и будет закрыт после моих разъяснений.

Пришёл я на бюро, а там масса таких же как я бедолаг, а может и реальных нарушителей.

Секретарь начал выступление и, клеймя всех позором, так разошёлся, возбуждая сам себя, что в порыве праведного гнева, уже, как глухарь, ничего и никого не слушая, предложил объявить всем скопом по выговору с занесением в личное дело (была в то время такая мера партийного взыскания).

Бюро послушно проголосовало.

Эта мера располагалась где-то по середине шкалы партийных взысканий, крайняя из которых – исключение из партии означала автоматическую потерю кресла руководителя.

Выговор, принципе, ничего страшного не означал, но, поскольку я виноватым себя не чувствовал и, к тому же столь неожиданное поведение секретаря райкома так возмутило меня, что я написал заявление в горком КПСС, при этом, естественно, не поскупился на сарказм в адрес обидчика.

Там до рассмотрения на бюро уже горкома, своё заключение должна была вынести партийная комиссия, состоявшая, как правило, из старых заслуженных коммунистов.

Пришел я на её заседание.

Сидят несколько очень приятных людей почтенного возраста, которые, улыбаясь, выслушали меня, задали несколько наводящих вопросов, а решение уже выносилось без моего присутствия.

На следующий день мне сообщают, что комиссия считает выговор незаслуженным и рекомендует бюро горкома отменить его.

Ну, думаю, всё.

Прихожу на бюро, а там уже горкомовский первый секретарь – такой же глухарь, как и райкомовский, вопреки решению собственной парткомиссии, после уже своей эмоционально-обличительной речи в адрес нарушителя заявляет, что райком всё сделал правильно и, как принято в таких случаях, бюро единогласно, даже не обсудив мнение своей же комиссии, голосует за его предложение оставить выговор в силе.

Естественно после этого давление у меня нарастает и я уже обращаюсь в обком партии.

В отличие от горкомовской парткомиссии, там моё дело предварительно рассматривает в одиночку какой-то тип, который даже не пожелав выслушать мои объяснения, почему-то самолично решает, что всё было сделано правильно и обкомовские ни партийная комиссия, ни бюро моё заявление рассматривать не будут (?).

Аргументы почти такие же как у того самого чудаковатого проверяющего из Комитета народного контроля – смысл их понять невозможно.

Тут уже меня понесло, благо каждая очередная инстанция даёт дополнительный материал для всё более резких оценок. Нарастающий маразм партийных функционеров очень даже способствовал росту сарказма.

Короче, отправляю очередное заявление теперь уже в Москву в ЦК КПСС, приложив мои предыдущие заявления, ответы на них и мои комментарии на ответы.

Спустя некоторое время вся эта писанина проделывает обратный путь и через обком партии приземляется в горкоме. Естественно, с соответствующими визами, чтобы рассмотреть дело повторно.

Круг замкнулся.

Но ситуация-то уже совсем другая.

Я в своих писаниях не просто жаловался, а уязвлённый очевидной, на мой взгляд, несправедливостью, поочерёдно издевательски высмеивал все три инстанции республиканской партийной вертикали.

Вполне логично было ожидать, что теперь-то они на мне и отыграются.

Ну, сообщили мне дату очередного заседания бюро горкома, на котором будет рассматриваться дело. Жду...

И тут совершенно случайно узнаю, что первый в отъезде и бюро проведёт второй секретарь горкома – дама, известная своим независимым и твёрдым характером, но за которой ни самодурства, ни кровожадности не числилось.

Мы были знакомы и поэтому, не дожидаясь заседания бюро, я решил встретиться с ней и в спокойной атмосфере объясниться. Встреча состоялась.

Она выслушала и без всяких витиеватостей коротко сказала, что решение будет пересмотрено.

Это и произошло через несколько дней.

Как я уже говорил, дело моё по своей сути было пустяковым. Объявленный выговор ничем мне не грозил, ничего я не терял и вообще, через год его было положено снимать. К тому же следует отметить, что пока я воевал с партийными функционерами, этот срок как раз и подходил к концу.

То, что сделала дама, формально для меня ничего такого не значило, кроме как утешение уязвлённого самолюбия.

Но я никогда не забываю, что с её стороны пойти против мнения всех партийных инстанций, в том числе и её непосредственного начальника, которые я фактически высмеивал, это был поступок, на который мог бы решиться далеко не каждый мужчина.

Двойная мораль

В одном горном районе председатель райисполкома, что по нынешним временам соответствует должности главы администрации муниципалитета, сделал сыну обрезание крайней плоти.

Дело это было житейское, в основном потерявшее давно свои религиозные корни.

Просто традиция такая, которая по умолчанию не предполагала никакой реакции со стороны соответствующих органов.

Однако, нашёлся «доброжелатель», который настучал в обком партии.

В такой ситуации не реагировать, сами понимаете, уже невозможно.

И вот вызывают провинившегося на бюро обкома, и грозит ему исключение из партии – коммунист должен быть атеистом. А «партбилет на стол» автоматически означает лишение должности.

Состояло бюро обычно из 11—13 человек, среди которых, для приличия избиралась и одна женщина.

Так вот, песочат его эти партийные бонзы и наконец-таки дают слово самому виновнику.

Не знаю, присутствовала ли на заседании единственная дама, когда тот без всяких хождений вокруг да около взял «быка за рога», предложив присутствующим мужчинам спустить штаны и продемонстрировать свои собственные «необрезанные» достоинства.

Возникла, как в гоголевском «Ревизоре», немая сцена, которая сменилась гомерическим хохотом, который нивелировал бросающуюся в глаза двойную мораль, которой вольно или невольно следовали присутствующие.

Короче, начальству хватило ума, чтобы отпустить товарища с миром.

Директор

Был у меня один директор.

В девяностые годы, когда всё рухнуло его предприятие еле держалось на плаву и я не досаждал ему особыми требованиями. Задача была одна – выжить.

Но время шло, пора было уже переходить к каким-то действиям, прекратив проедать остатки когда-то наработанного, а у него положение не менялось.

В развитие не вкладывалось ни копейки, на счету смешные деньги и так далее. Причины были по его словам в высоких налогах, низких ценах на его услуги и ещё черт его знает в чём.

Я указывал ему на какие-то конкретные вещи, которые необходимо делать, чтобы выправить положение, но всегда находились причины, почему это невозможно.

Наконец мне всё это надоело, к тому же у меня появились подозрения, что у него вовсе не так все, как преподносится, и я предложил ему уволиться.

И тут мой директор с позорно мизерной зарплатой, на уровне уборщицы заволновался, демонстрируя явное нежелание уходить.

Как обычно бывает у нас в таких случаях, в первую очередь я был обвинён в том, что хочу посадить на его место своего человека, а дальше – ещё хуже. И понеслось...

Я попытался выразить недоумение, тем, что он цепляется за работу, от которой ему давно следовало бы бежать.

Что же касается какого-то «своего человека», то, даже если бы он был, то на ту работу, какую он описывает мне, его можно было направить только в качестве наказания. Но директор меня не слышал и повторял одни и те же обвинения.

В конце концов был привлечён и национальный фактор, но в прямо противоположном от традиционного смысле.

Он стал вопрошать: – Что скажут лакцы, когда узнают, что один лакец уволил другого?

Мысль (раз уж на то пошло), что и ему, как лакцу, следовало бы работать так, чтобы не создавать проблем другому лакцу, принявшему в своё время его на работу, у него при этом как-то не возникала.

Ну и что было ответить?

Я предложил ему привести трёх лакцев, которых он сам лично выберет и, если, выслушав аргументы сторон, они посчитают мои придирки, не заслуживающими увольнения, я сниму все претензии и вообще больше никогда не буду его трогать.

Но он совершенно не слышал это и продолжал твердить своё. Мой вопрос: – Почему же он не ухватывается за столь заманчивое предложение, он тоже не слышал абсолютно.

Тогда я не стал больше ничего изобретать и на каждое его высказывание начал с маниакальным упорством повторять своё предложение о трёх представителях с его стороны.

Наверное, не ошибусь, если скажу, что это я сделал раз пятьдесят, пока всё-таки не пробил его броню.

Видя, что ему некуда деваться, он, наконец, пообещал придти со своими личными судьями.

Через несколько дней он пришёл... с заявлением об увольнении по собственному желанию.

При новом же директоре положение дел резко изменилось в лучшую сторону.

Отец сторожа

В одном из махачкалинских вещевых рынков имеется довольно популярный ювелирный магазин.

После завершения рабочего дня его владелец, от греха подальше, складывает наиболее дорогие изделия в «дипломат» и уносит с собой. Слабонервным в тот чемоданчик, когда он заполнен, лучше не заглядывать.

Так вот, как-то, после одного из очередных рабочих дней этот бизнесмен присоединился к тёплой компании работников рынка, которая по какому-то поводу, а возможно и без, выпивала и закусывала.

Не знаю, закусывал ли хозяин ювелирного магазина, но напился он до такого состояния, что ушёл (уполз?) домой, забыв при этом свою сокровищницу, а утром не мог вспомнить, где её оставил.

Помог ему отец одного из охранников рынка, который подменял сына и после того, как компания разошлась, наткнулся на этот самый чемоданчик.

Опять же, не знаю насколько торжественно, но он был прилюдно вручён хозяину, который в знак благодарности презентовал благодетелю... бутылку водки.

Подарок был с достоинством отклонён.

Отец сторожа поблагодарил забывчивого предпринимателя за любезность и сказал, что он верующий, мусульманин и посему не курит и не пьёт.

Присутствовавшая рыночная общественность при этом изображала финальную сцену из гоголевского «Ревизора».

Национальный вопрос

Недавно, безуспешно пытаясь в очередной раз навести порядок в своих бумагах, я наткнулся на свою статью тринадцатилетней давности, опубликованный в «Дагестанской правде».

Прочёл, вспомнил – ничего необычного, по нынешним временам. Сколько раз обо всём этом уже сказано-пересказано. А тогда...

С ним связана достаточно интересная, как мне представляется история:

В начале девяностых годов, когда еще только – только начинали пробиваться первые ростки гласности, но КПСС всё ещё оставалась «руководящей и направляющей силой», вдруг как-то разом и резко дали знать о себе проблемы, существование которых было известно, но они замазывались толстым слоем славословия.

Наиболее острыми и взрывоопасными были ситуации в Новолакском районе и связанная с кумыкским вопросом. Обстановка нагнеталась многими, стремящими не столько найти выход, сколько заработать политический капитал любой ценой.

Власть в совершенно новой для себя ситуации из одной крайности, к которой привыкла, бросилась в другую, превратившись в мягкотелого уговорщика и этим только провоцировала экстремистов.

При этом, действовал старый советский стереотип – замалчивание проблемы, уход от определения причин и их честного озвучивания.

А если о диагнозе молчат или он неверен, как лечить? Уговорами?

Я не выдержал и написал об этом статью. Суть её заключалась в том, что вместо того, чтобы продуманно заниматься национальной политикой, мы всё время культивировали мифы, что надо называть вещи своими именами (и я назвал их.), что, вместе с тем, если пытаться сейчас решать проблемы силовым путём, произойдёт катастрофа и поэтому никому не позволительно, спекулируя, угрожать силой.

Помимо прочего, в статье говорилось, что причина напряженности в кумыкском вопросе во многом заключается в непродуманном переселении.

Что в своё время было немало возможностей закрепления людей на местах своего коренного обитания в горах, которые не использовались.

Вместе с тем, существует такой объективный фактор, как урбанизация, который невозможно отменить и кумыкам следует с пониманием относиться к этому.

Ну, а всем остальным дагестанцам тоже следует относиться с уважением и пониманием к интересам кумыкского народа, оказавшегося в такой непростой ситуации.

Были там и другие вещи, но общий смысл именно таков.

Я и сейчас готов подписаться под этими вроде бы очевидными соображениями.

Когда принёс статью в редакцию и дал для обкатки почитать кое-кому из ребят, её приняли чуть ли не на ура, но сказали, что редактор не пропустит.

Он выбивался из «линии партии», а Дагправда была, как писали тогда, органом обкома КПСС. Предполагаемая позиция главного редактора была волне объяснима. Хвост не может вертеть собакой.

Выход нашёлся, когда вспомнили, что она собирается в командировку.

Дождавшись отъезда, материал был пущен в номер.

Он имел эффект разорвавшейся бомбы.

В день выхода газеты я случайно встретил на городской площади министра внутренних дел и первое, что он сделал, это спросил – зачем я всё это написал?

В результате ожидается чуть ли не марш протеста в Махачкалу.

Я, в свою очередь, спросил: – А что там написано неверного? По моему, не убедил.

Позже начали звонить знакомые и незнакомые уже с другим вопросом: – Как мне удалось это напечатать?

Здесь ещё следует отметить, что никаким штатным или нештатным публицистом я никогда не был, да и сейчас не являюсь.

Литература, публицистика это моё своеобразное хобби.

Буквально на следующий день (удивительная оперативность – как материалы со съезда КПСС) та же «Дагестанская правда» вышла с большой ответной статьёй на первой полосе – признак чрезвычайной важности – автором которой был почему-то литературный критик.

Однако, оценивал он вовсе не литературные достоинства моего опуса.

Не знаю, может его роль заключалась в демонстрации гласа народа, но уши обкома КПСС все же проглядывались. Иначе, с чего бы ему, едва прочтя газету, оставить все дела и броситься строчить статью, чтобы успеть сдать её в редакцию в тот же день?

Крамолу нужно было душить в самом зародыше.

Выступление его было в духе стандартов советской пропаганды о счастливой жизни братских народов и, естественно, обвинений в адрес того, кто всё это разрушает своей нехорошей публикацией. Ну и немного грязи в адрес автора. Как же без неё? Детали не помню, да и дело не в них.

Вечером того же дня ко мне домой позвонил Народный поэт Дагестана Аткай Аджаматов.

Почтенного возраста и весьма уважаемый в республике человек поблагодарил за публикацию, где, по его мнению, наконец-то сказана правда о кумыках, посоветовал не обращать внимание на ответное выступление и неожиданно (видимо, как кумык) попросил извинение за некорректность его автора. Следом звонит ещё один известный кумыкский писатель.

Он оказался однофамильцем критика и начал с того, что попросил не путать их, ну а в дальнейшем примерно то же, что и Аткай.

Хотя о существовании этих людей мне было известно, нужно сказать, что лично мы не были знакомы совершенно.

Наверное, излишне говорить, как я воспринял эти звонки.

С учётом национальной принадлежности моего оппонента, было понятно, почему тогда власть для критического залпа захотела использовать именно его, а не кого-либо, например из аварцев или даргинцев.

Тем не менее, до сих пор удивительным для меня остаётся то, почему соплеменник Аткай сам согласился стать рупором власти в этом деле.

Живее всех живых

Один мой одноплеменник в далёкие советские времена работал главным бухгалтером колхоза.

Отличали его, помимо грамотности ещё и удивительная принципиальность.

Зная дело и будучи уверенным в себе, он мог послать куда подальше ревизора, приехавшего к нему с проверкой, если видел, что тот несёт ересь или поучить маленько, показав проблемы в его знаниях.

Как-то республиканское начальство направило этого бухгалтера в соседний район на проверку другого колхоза.

Как человек обязательный, он добросовестно отнёсся к поручению и «накопал» там много чего. Акт же отправил в Махачкалу.

На его беду председателем проверяемого колхоза оказался родным братом прокурора республики.

Вызывают нашего бухгалтера в Махачкалу и там же на месте без лишних слов, обвинив в получении взятки при проведении проверки того самого колхоза, берут под стражу.

Основание – заявление какого-то совершенно неизвестного ему человека.

Никакой роли уже не сыграло и отсутствие доказательств и то, что в ходе суда лжесвидетель был вынужден отказаться от своего заявления, ссылаясь на то, что его к этому принудили.

Короче, предстояло человеку отсидеть лет восемь.

И вот сидит наш герой на нарах, а кто-то из сокамерников, услышав его историю, советует правдолюбцу написать жалобу товарищу Ленину (!?).

Дядя решил, что над ним шутят, но, на всякий случай, напомнил советчику, что вождь мирового пролетариата давно в мавзолее.

Однако, сосед по камере был серьёзен и еще раз настоятельно порекомендовал тоже самое.

Деваться некуда. Тюрьма – не курорт.

И вот пишет бедолага вождю, что «живее всех живых», послание, в котором описывает свои злоключения и взывает к справедливости. Вся надежда только на него.

Проходит месяц, другой – молчание.

Под уговоры того же советчика бухгалтер готовит и отправляет второе письмо прежнего содержания и по прежнему адресу – Москва, Кремль, Владимиру Ильичу Ленину.

Через пару недель грузят нашего зэка в «чёрный ворон» и везут прямиком в Верховный суд, который без лишних слов, хотите верьте, хотите – нет, отменяет решение районного суда и выпускает его на волю.

Когда ему приходится вспоминать об этой своей эпопее, он, то ли шутя, то ли всерьёз, считает нужным непременно сказать: – Вечная память Владимиру Ильичу, спасшему меня от тюрьмы.

Герой этой истории, несмотря на возраст, и сейчас работает главным бухгалтером одного из предприятий Махачкалы.

Если пожелает Аллах (иншалла)

Жил да был один мужик.

Возвращается он как-то домой и с порога, чуя запах чеснока, восклицает: – Машалла, сейчас буду есть хинкал!

А жена ему: – Скажи, иншалла.

(В смысле, если того захочет Аллах.)

Муж: – В моём доме, моя жена приготовила мне хинкал, который на столе. Кто может помешать мне его съесть?

В это время раздаётся стук.

Входит наряд милиции, забирает мужа и, в конечном итоге, он оказывается в тюрьме.

(Может по делу, а может, став, как сейчас принято говорить, жертвой милицейского произвола.)

Отсидел товарищ своё и возвращается домой, а жена в этот момент хлопчет на кухне – опять готовит хинкал.

(Может случайно, а может, желая дать возможность бывшему зеку завершить прерванную ранее трапезу.)

Жена, естественно, бросилась ему навстречу, ну и, после соответствующих случаю церемоний, объявила:

– Сейчас будем есть хинкал.

А муж добавил: – Иншалла.

Привет Кафке

На дороге, ведущей с гор на равнину, произошла авария, в которой погиб человек.

Прибывшая милиция обнаружила у жертвы, помимо всякого прочего ещё и справку о смерти погибшего, заверенную поликлиникой.

Только не подумайте, что ещё до появления милиционеров туда умудрился прибыть врач, который и оставил документ, без которого не примут на кладбище.

Справка, удостоверяющая факт смерти, была выдана гражданину за несколько дней до его гибели.

Единственной неувязкой было несовпадение даты, указанной в справке с действительной датой смерти того, кому была выдана.

Причина столь странного явления стала понятна, когда выяснилось, что погибший ехал в Ставрополь, где им в местном отделении Сбербанка в своё время был получен кредит на довольно крупную сумму, возвращать который он, вероятно, не собирался.

Нет человека – нет проблемы. Банку не к кому предъявить претензию и долг списывается.

Так, наверное, в конечном итоге, и произошло.

Никакого мошенничества.

Объявление в газете

«Найдена золотая цепочка в районе центрального рынка. Обращаться тел...»
Цепочку не терял, но прочёл с удовольствием.

Цветы

Рано утром иду по Родопскому бульвару мимо клумб. Красиво. Глаз отдыхает.

Вдруг вижу, как женщина впереди наклоняется и срывает цветок.

Я начинаю вибрировать и выбирать между «пристыдить» или «плюнуть и промолчать». Горбатого известно, что может исправить. Не убивать же человека из-за этого.

И тут замечаю ещё одну женщину, которая, идя уже навстречу, тоже наклоняется и срывает цветок.

Это добивает окончательно. Как будто сговорились.

Мой спутник – врач психотерапевт, заметивший, как и я, происходящее, а заодно и моё состояние, поясняет, что такое поведение женщин, скорее всего, можно объяснить тем, что они в своей жизни недополучают эти самые цветы.

Возможно, даже не сознавая наличие дефицита подобного внимания, дамы таким образом произвольно реализуют свою потребность.

После этого объяснения вся злость моментально испаряется.

Чёрт побери...

Господа мужчины: Дарите женщинам цветы. И как можно чаще. Не ради спасения клумб на бульварах, а потому что они ждут их от вас.

Всегда.

Мама

Поехал в Буйнакск проведать маму.

У дверей, прощаясь, одеваю плащ. Она заботливо просит, чтобы застегнулся.

Нужды в этом не чувствую, потому что на улице не холодно. В другой раз так и поступил бы, махнув рукой и оставив её в печальном недоумении.

Однако, тут что-то остановило.

Я послушно застегнул все пуговицы и пиджака, и плаща.

Что помешает мне, если что, расстегнуть их на улице?

Наконец-то в свои шестьдесят два года понял простую истину – маму надо слушаться прежде всего для того, чтобы не обидеть, чтобы у неё даже мимолётно не возникало ощущение будто её слова для тех, кому даровала жизнь, ничего не значат.

А сколько раз я... и не только по пустякам?...

Владимир Высоцкий

В телевизоре передача, посвящённая дню рождения Высоцкого и Григорий Лепс исполняет его известную всем песню на мотив цыганской «Три гитары за стеной...».

В отличие от кабацкого с пьяной слезой первоисточника у автора в ней действительно трагика и Лепс рвёт душу – «Все не так, ребята!».

Оператор показывает крупным планом притихшего сына Высоцкого, внимающего словам, которые и до этого слышал, наверное, тысячи раз. Но больно хорош Лепс.

Следом таким же крупным планом лицо актёра Сергея Безрукова – тоже притихшего и даже с повлажневшими, как мне показалось, глазами.

Остальная публика за столиками в своём большинстве тоже вроде бы внимает, но при этом почему-то заводится и начинает хлопать в такт песни, как какой-нибудь «Калинке-малинке». Испортили, гады, песню.

А ведь не случайные люди пришли в студию. «Интеллигенция», мать вашу. Кабацкая.

Исмаил

Исмаил – брат моей бабушки по отцовской линии – Зайнаб. Я его, как и бабушку почти не помню.

В памяти остался лишь образ старика – папаха и пышные седые усы.

Говорят по жизни он был весельчак и балагур.

Моя мать как-то рассказала одну из историй, связанную с ним:

Уже на склоне лет, выйдя на пенсию, Исмаил устроился на работу сторожем в районное отделение Сбербанка, называвшегося в те времена сберкассой.

И вот очередной рабочий день подошел к концу. В самой сберкассе сотрудники собираются домой, а Исмаил, как обычно, занял пост у дверей.

В это время к помещению подходит дама – местная пава, не чувствующая под собой земли по причине того, что является женой районного прокурора.

Исмаил возникает перед ней и, назвав по имени, говорит, что входить нельзя, поскольку рабочий день уже закончился.

Дама величественным жестом, указывая пальцем в направлении собственной груди, спрашивает: Это мне что-ли нельзя?

Исмаил сходу, указывая пальцем в том же направлении, отвечает: Вот тебе-то как раз и нельзя.

Гасан и криворучки

Гасан – чудесная светлая личность из высокогорного лакского селения Шали. Олицетворение доброжелательности, спокойствия и готовности всегда прийти на помощь.

В своё время в Буйнакске его высокую худощавую фигуру узнавали из далека многие.

После переезда в Махачкалу я его никогда уже не видел, а недавно, приехав навестить мать узнал, что он скончался в возрасте 90 лет.

В таких случаях обычно говорят: – Дай бог и остальным прожить столько же. А меня не покидает печаль.

Такая же светлая, какой остался в памяти и он сам – обыкновенный механик, занимавшийся ремонтом бытовой техники.

История о мастерстве, рассказанная Гасаном

Отправил отец меня – десятилетнего мальчика в город с односельчанином в качестве подмастерья, чтобы обучился слесарному ремеслу.

В течение месяца он не подпускал верстаку. Главными инструментами для меня были веник и ветошь.

(И тогда, и позже в мои обязанности входило поддержание мастерской в идеальной чистоте.)

Наконец-то началось и обучение. Спустя некоторое время, устар (мастер) поручил мне изготовить ключ для замка.

С предельным старанием, высунув язык я два дня занимался этим. Ключ был готов и после проверки в замке, который он исправно открывал-закрывал, я гордо вручил его устару.

Он повертел его в руках, приблизил к глазу, посмотрел вдоль и, даже не проверив работу в замке, выбросил ключ в один угол и дал мне такую затрещину, что я отлетел в другой угол мастерской.

Оказалось, что он заметил какую-то неровность в шейке (средней части) ключа, что для уважающего себя устара недопустимо.

А что сейчас? Человек ещё толком не научился держать напильник или ножовку в руках, но уже считает себя устаром.

Вот и результат труда такого криворучки соответствующий – кривой.

Пресвятая Богородица и свалка истории

Пояс Пресвятой Богородицы – великая православная святыня впервые была доставлена в Россию 20 октября.

Ковчег с поясом Богородицы побывал в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и ещё в целом ряде городов России.

С 18 до 27 ноября 2011 года святыня пробудет в Москве... До 27 ноября включительно в храм открыт круглосуточный доступ верующих... На станциях Сокольнической линии служащие метрополитена объявляют, что очередь в храм Христа Спасителя начинается уже от «Воробьевых гор»... Очередь паломников в Москве растянулась на восемь километров... Паломники к Поясу Богородицы считают сутки в очереди за счастье.

Это всё из сообщений РИА Новости.

Священнослужители в восторге. Оказывается, народ тоже «ликует».

А тут ещё один журналист с откровенно дурной, во всяком случае, в моих глазах, репутацией – Сергей Доренко – увидел в происходящем демонстрацию «невероятной мощи православной церкви».

Блажен, кто верует.

Отстоять сутки на морозе, чтобы пройти под ковчегом, где расположен пояс, могут только религиозные фанаты или отчаявшиеся люди.

Фанатов в Москве и ближайшем её окружении, думаю, далеко не сотни тысяч.

А сколько миллионов, которые тоже хотели бы пройти под ковчегом, но по разным причинам не смогли?

Никакое это не ликование. Это грозный показатель крайнего неблагополучия россиян, даже в относительно благополучной Москве.

Сотни тысяч отчаявшихся, что потеряли веру в земных «богов», готовы отстоять на морозе сутки, чтобы обратиться к Богородице в небесах.

Мы видим лишь вершину айсберга.

Если же власть ничего такого не ощущает, то туда ей и дорога.

– Куда?

– На свалку истории, как говаривали марксисты.

Уборщики зреют и не дай нам бог увидеть их работу.

В ожидании графа

В преддверии 9 мая традиционно возобновляются разговоры о том, что ещё не написана главная книга о войне. При этом непременно вспоминается «Война и мир».

Сетуют, что не появился ещё современный Лев Толстой, но оптимизм, надо сказать, присутствует.

Неприменно должен появиться, просто ещё время не пришло. Большое, как известно, видится только на расстоянии... Конечно, имеются отдельные авторы...

Вспоминается в разных сочетаниях с десятков достойных имён... Но, сами понимаете, калибр не тот.

Толстой свой роман написал лет через пятьдесят после 1812 года, а мы уже празднуем шестидесятилетие победы. Что-то задерживается наместник графа.

Непонятно.

По каким таким интересно законам у каждой войны должен быть свой Толстой.

Человечество за свою историю столько воевало, что великих писателей и романов не напасёшься.

Самое же смешное в том, что все почему-то глубокомысленно считают, будто Толстой гениально описал именно войну 1812 года.

Никто не задумывается над тем, что Лев Николаевич в глаза эту войну не видел, поскольку родился позднее. И уж совсем не приходит в голову, что сами критики тоже никак не могли быть свидетелями событий двухвековой давности, чтобы судить о том, насколько правдоподобно они описаны.

Панорама художественного произведения не может быть зеркальным отражением какого-либо исторического события.

Толстой написал великий роман о жизни, которая в своих проявлениях одинакова во все времена.

Противоестественный отбор

Элита – производное от французского *elite*, означающее лучшее, отборное.

Журналисты, информируя население, с лёгкостью необыкновенной причисляют к элите всех, кто занимает высокое положение в политике, экономике, культуре.

При этом, неискущённый наблюдатель может предположить, что речь идёт о людях выдающихся способностей, достигших высот в своём деле, благодаря таланту и неустанному труду на благо отечества, что, разумеется, вполне может приносить какие-то блага и для самого пекущегося о нём – любой труд должен вознаграждаться.

В действительности же, зная, как в современной России строятся карьеры и образуются умопомрачительные состояния, под элитой, за редким исключением, следует понимать людей, конечно же, способностей выдающихся, но весьма специфического свойства, которые требуют расшифровки этого определения, как отборное дерьмо.

Любовь – морковь

В телевизионной программе, посвящённой великому Игорю Ильинскому, журналист общается с Татьяной Еремеевой – его вдовой и актрисой, отдавшей Малому театру шесть десятков лет. Удивительно обаятельная, интеллигентная старушка.

Говоря о театре, смущаясь рассказывает, что сейчас она уже не играет. Но все её любят, говорят ей об этом, целуют при встрече...

Затем, выдержав паузу, с лёгкой печалью тихо добавила: – А когда была занята в ролях, молчали.

Мародёр

Много лет назад на одном из соборезнований я оказался рядом с ректором сельхоакадемии (тогда она называлась институтом) ныне, к сожалению, покойным Джамбулатовым Магомедом Мамаевичем.

В это время прибыло несколько старцев – мулл, приглашённых для отпевания.

Прежде, чем пройти в помещение, они приветствовали присутствующих во дворе, а один из них – маленький плюгавенький мужичок особо выделил профессора, бросившись к нему и долго тряся в пожатии руку.

Видимо, понимая, что это привлекло внимание присутствующих, Магомед Мамаевич поведал нам, что товарищ раньше работал у него конюхом в опытном хозяйстве института. А следом рассказал такую историю:

Оказывается, конюх совмещал свою работу ещё с одной – он занимался омовением покойников.

Люди это знали и, если что, приглашали его.

Труд, естественно, оплачивался.

Короче – профессионал.

Всё бы хорошо в этом печальном деле, но как-то раз родственники одного из усопших, войдя в комнату, где он совершал омовение, обнаружили его с плоскогубцами в руках, ковыряющегося во рту покойника – обладателя золотых коронок. Как они его не убили при этом, не знаю.

Однако, товарищ не затерялся и, некоторое время спустя, вновь всплыл.

Правда, сменил специализацию, перейдя от омывания покойников к их отпеванию.

Ложная тревога

Недавно в больнице скончалась одна близкая нам женщина. Внезапно.

Привезли в реанимационное отделение, а к утру её не стало. В это время так случилось, что рядом с нею не оказалось никого из родственников.

В реанимацию их, как известно, не пускают, а дежуривший у дверей, надо же, именно в этот момент куда-то отлучился. Вернулся, а её уже нет – лежит на каталке, накрытая простыней. Тело срочно отвезли в мечеть для омовения, оттуда к дому, где жила и сразу же на кладбище.

Всё, как бывает в таких случаях, происходило для семьи умершей в суматохе, и лишь под вечер её дочь вспомнила, что на матери были какие-то золотые украшения. Они исчезли и было непонятно, где. То ли в больнице, то ли в мечети...

Сами украшения ничего особенного из себя не представляли, но были дороги, как память о матери.

Когда моя супруга, бывшая в комнате, где на соборезновании сидели женщины, уже дома вечером рассказала эту историю, я пришёл в ярость и потом долго отходил.

А на следующий день, она же успокоила меня, сообщив, что всё нашлось.

Оказывается, и в больнице после кончины, никто из медицинского персонала не покусился на золото, и в мечети, женщина, совершавшая омовение, сняв украшения с покойной, по завершению процедуры вынесла и передала их кому-то из родственников.

Он же, положив их в карман, вспомнив об этом лишь сутки спустя.

А ведь мог ли бы и там, и там...

Когда никого рядом да и вообще не до украшений. Получается, не столь мы безнадёжны, как иногда кажется.

Национальный ответ

Как-то вечером Зайнаб – моя супруга, пришла домой с головной болью и, решив, что музыка есть лучшее лекарство, попросила поставить что-нибудь из Моцарта.

Я отыскал диск..., но не заладилось. Allegro – энергичное, жизнерадостное начало первой симфонии диссонировало с её состоянием, требовавшим чего-то расслабляющего, успокаивающего.

Тогда я вспомнил о своей подборке старинных вальсов в исполнении духового оркестра, которую и предложил взамен великого австрийца.

«Дунайские волны», «Берёзка», «На сопках Манчжурии»... Боль отступила и Зайнаб неожиданно стала делиться воспоминаниями о своём махачкалинском детстве, прошедшем в общем дворе по улице Батырая, подружках – близнецах Верке – Таньке (так дуплетом она их зовёт иногда) и соседке татарине, имя которого запомнила.

Оказывается, после работы он нередко выходил во двор со своим аккордеоном, садился на стул и начинал музицировать. Репертуар у любителя был достаточно разнообразен. В том числе, в него входили и те самые вальсы, что поставил я.

Соседи любили эти импровизированные концерты. Дети же – самые благодарные слушатели, немедленно прекращали свои игры и пристраивались поближе к музыканту.

Среди них особо выделялась Верка.

Она садилась на корточки вплотную перед аккордеонистом и замирала, заморожено глядя на его руки.

Музыкант не мог не обратить на это внимание и как-то раз внезапно сказал: Ну- ка, встань рядом.

Он поставил её с боку.

– Давай нажимай на кнопки.

И стал потихоньку показывать ей партию левой руки.

Верка, вначале нерешительно, но затем всё смелее, стала нажимать.

Упражнялись они регулярно и наступило время, когда сосед в своих выступлениях вел партию правой рукой, а маленькая девчушка сбоку старательно и достаточно уверенно левой. Удивительная, а скорее умильная, получалась картина.

В Верке, наверное, было что-то музыкальное от бога и она стала настойчиво просить мать приобрести ей аккордеон и записать в музыкальную школу.

Мать же – тётя Мария, хотя происходила из богатой купеческой семьи, обитавшей до революции в Рыбинске и отличалась особой начитанностью (у неё единственной во дворе была своя библиотека), работала простой уборщицей. Думаю, понятно почему.

Так вот, она после преждевременной смерти мужа одна, надрываясь на нескольких работах, поднимала пятерых детей и, конечно же, не могла позволить себе такую покупку, да ещё вносить хоть и символическую, но плату за музыкальную школу.

Мечта девочки так и не осуществилась.

Со временем Верка перебралась в Москву... Окончила институт, став инженером...

Зайнаб по настоящее время поддерживает связь со своей подружкой детства и всё так же продолжает звать её Веркой.

Что касается наших детей, то для них она, естественно, никакая не Верка, а тётя Вера.

Но история моя вообще-то не о ней, хотя и о ней тоже.

Воспоминания Зайнаб вызвали у меня ностальгию по прежней размеренной жизни, тихим городским дворикам в окружении одноэтажных неказистых домишек из самана, приле-

пившимися друг к другу, где можно было вот так по домашнему музицировать перед благодарными слушателями или спокойно общаться с соседями...

К сожалению, время невозможно повернуть вспять. Вместе с ним безвозвратно уходят и его приметы...

Пребывая в таком настроении, я вдруг обратил внимание на телевизор, который включила супруга по окончанию своего рассказа.

А там, ну, нарочно не придумаешь, сюжет из программы дагестанских новостей, где показывают, как в одном из домов Махачкалы, заселённом инвалидами по зрению, эти самые инвалиды проводят у себя праздник – День двора. Сами (!).

Никаких тебе казённых домов культуры с их массовиками – затейниками...

И такое, оказывается, происходит ежегодно в середине лета. К празднику готовятся загодя. Репетируют. Волнуются, естественно. Члены семей помогают и тоже волнуются... А потом концерт... Декламируют что-то, поют, танцуют...

И вовсе не для себя самих.

Их окружают зрячие зрители и слушатели из соседних домов, которых захватывает это действие и они сами начинают подпевать или даже пускаться в пляс.

На экране одни только улыбки, восторг, аплодисменты... Невольно я стал улыбаться и сам.

Люди всегда остаются людьми. Даже квартирный вопрос не может их испортить.

Впрочем, национальный тоже.

Двор-то, подобно остальным дворам современной Махачкалы, не только многоэтажный, но и многонациональный. Как и во времена музицирования маленькой русской девочки Верки с татаринном – аккордеонистом и их слушателями разных национальностей.

Поход «дуры» в МГУ

Этим летом один из членов экзаменационной комиссии МГУ вывесил на сайте ««Эха Москвы» любопытную информацию. На экзамене (вероятно речь шла о филологическом факультете) одна из абитуриенток написала сочинение в стихах, которые он и приложил к своим комментариям.

Предложенные университетом темы (к примеру – «Традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина в сатирах В.В.Маяковского») оказывается, вызвали тоску не только у меня.

Фактически абитуриентка послала экзаменационную комиссию с такими её темами куда подальше и, судя по всему, рвала с нею все отношения.

Пусть Маяковский бросит словом резким,
Пусть скажет «Дура!» Салтыков-Щедрин.

.....

Судьбы канва растянута на пальцы,
Но я бессильна в бездне чуждых душ.
Я не хочу высасывать из пальца
На три страницы глупости и чушь.

.....

Отсюда выйду я одной из первых,
Но прежде, чем миную сталь ворот,
Желаю вам я бесконечных нервов,
Понятных букв в листах других работ.

Однако, следует отдать должное членам комиссии. Как сообщил товарищ, вывесивший сообщение об этом удивительном случае, «если автор (вернее авторница) не поинтересуется результатом экзамена, то тут уже не Михаил Евграфович, а вся экзаменационная комиссия, десятки раз перечитавшая процитированный текст, скажет: „Дура!“».

Снимаю шляпу перед комиссией и хочу верить, что авторница стихов всё-таки не оказалась «дурой».

Нукри! Нукри!...

На стадионе «Динамо» в Махачкале аншлаг.

Матч «Анжи» – «Краснодар» только начался, а к пятнадцатой минуте уже счёт 3:0 в нашу пользу.

Трибуны ревут от восторга..., но в какой-то момент неожиданно начинают скандировать Нукри!, Нукри!...

Это они поддерживают вратаря соперника Нукри Ревишвили, который в прошлом сезоне играл за «Анжи».

У меня от этого аж перехватывает дыхание.

Голкипер как-то пришёл в себя и хотя матч закончился со счётом 5:2, смотрелся уже достойно.

А если бы Нукри с самого начала продемонстрировал фантастическую игру и, несмотря на подавляющее преимущество «Анжи», матч завершился бы её проигрышем?

Теперь, после происшедшего, убеждён, что, несмотря на горечь поражения, трибуны восторженно провожали бы вратаря соперника аплодисментами и скандированием Нукри!, Нукри!...

Многие судят о дагестанцах по отдельным уродам, хамское поведение которых так раздражает жителей других регионов. Но разве нигде, кроме Дагестана, нет своих уродов?

Интересно, как вели бы себя болельщики «Зенита» или «Спартака», окажись они в такой же ситуации?

Соломонова мудрость

Моя дочь – довольно спокойный, уравновешенный человек, заведующий отделом в одной из московских клиник, как-то одним беспредельно наглым и капризным больным была доведена до такого состояния, что в сердцах выставила его за дверь и тут же написала заявление об увольнении по собственному желанию.

Главного врача на месте не было и она оставила его в канцелярии.

Спустя некоторое время, когда главный появился, она поинтересовалась по телефону о принятом решении.

Дама, которая относилась заявление на подпись и зная от его автора предысторию, рассказала, что начальник, прочитав, удивлённо взглянул на неё, но при этом, даже не поинтересовавшись причиной, спросил коротко: На эмоциях? Она подтвердила кивком головы.

Наложив визу, он вернул заявление обратно.

Запись гласила: И это пройдёт.

Дама с высоты своего возраста посоветовала дочери сохранить документ и время от времени заглядывать в него.

Закон полотенца

Как-то мой сын в совсем нежном возрасте попал в больницу и поэтому его матери – моей супруге было разрешено находиться при нём.

Рядом в палате оказался другой малыш и тоже с мамой.

Как бывает в таких случаях, к обоим больным приходили проведать родственники, приносили что-то из продуктов... Члены же семей вдобавок к этому – смену белья, полотенца и прочие предметы первой необходимости.

И вот в один прекрасный день моя половина обнаружила отсутствие полотенца, которое в тот же день появилось у соседки. В результате между ними возник конфликт.

Моя супруга считала, что полотенце такого вида, которое она купила ещё много лет назад, ну никак не могло появиться ещё и у соседки, да ещё одновременно с пропажей её собственного.

Особенно возмущало, что вместо того, чтобы придумать что-нибудь подходящее типа извините, перепутала и пр. та насмерть держалась линии якобы это её полотенце и ничего ни у кого она не брала.

Ситуация зашла в тупик и выход из него был только один – одна из сторон должна была махнуть рукой и забыть о предмете конфликта.

Это моя супруга и сделала, хотя, конечно же, осадочек остался.

И надо было такому случиться, что при возвращении домой в горке белья, ожидающего стирки, она обнаружила своё «уникальное» полотенце.

Мы в семье назвали это событие законом полотенца и в тех случаях, причины которых для оценки выглядят очевидными, вспоминаем его и не торопимся с выводами.

Для этого достаточно лишь сказать одному из нас: Закон полотенца.

Правоохранители

Читаешь иногда сообщения о действиях наших правоохранителей и не знаешь, как их правильнее называть – то ли правоохренительными органами, то ли левоохранительными.

Закон природы

Приходит младший сын из университета и ещё в дверях громыако спрашивает: Где мой папа, который любит меня!?

Я же в ответ из другой комнаты иронично: А с чего ты решил, что я тебя люблю?

Ответ восхитителен: Раз ты мой папа, значит, ты должен меня любить.

Гимн-І

Отношение к гимну своей страны у гражданина должно быть таким же трепетным, как у военного к знамени.

Это некий, наверное, даже священный символ.

А я его не люблю.

Как можно трепетно относиться к произведению, слова которого в угоду сложившимся обстоятельствам трижды переписывались одним и тем же человеком?

Мало того, он писал его каждый раз не заново, а просто, как в детском конструкторе, менял в прежнем только некоторые слова, от чего идейная составляющая текста становилась совершенно другой.

И в этом мне видится особая мерзость.

– Великий Сталин?

– Я как раз об этом самом и думал.

– Ах, он уже не отец родной, а очень даже кровавый палач?

– Не извольте беспокоиться. Сей минут переделаем.

– О! Партия Ленина уже не сила народная?

– Замечательно! Заменяем партию боженькой и будет наш гимн опять как новенький.

Дело не в том, что и по сей день мы должны петь про Сталина. Просто слова гимна, даже если это был бы поэтический шедевр, написаны слизняком, который не видел в своей всеядности ничего постыдного и тем опошлил один из символов моей страны.

Гимн, конечно же, нужно было менять, но с другим автором и его следовало не переделывать, а писать заново.

Когда он звучит, всегда возникает ощущение, будто, подменив чем-то непотребным, меня лишили очень важного, которое должно сопровождать всю жизнь.

И вот этим непотребным пичкают.

А может я просто параноик?

Гимн-II

Смотрю по телевизору футбол – Анжи принимает Спартак. Перед началом матча местный «Карузо» а-капелла исполняет российский гимн и оператор наряду с певцом показывает крупным планом трибуны.

Болельщики абсолютно не связанные какой-либо дисциплиной или обязательствами встают и тоже поют.

Вероятно им не введома рефлексия испытываемая мною.

Жаль, что не показали сектор, где разместились спартаковские болельщики. Было бы интересно сравнить

Мне сейчас не важно, что их отношение к гимну совсем не такое, как у меня. Важно, что они его поют.

Значит, они чувствуют себя гражданами России.

Они не отделяют себя от неё.

Ни на одном московском стадионе такого не увидишь.

Даже не все игроки сборной, выстроившейся для очередного матча, поют его.

Показать бы этот сюжет некоторым заумным московским политикам и политологам, специализирующимся на кавказской тематике.

Тем, которые, ничтоже сумняшеся, заявляют время от времени, что Дагестан уже не считает себя частью России, что чуть ли не все дагестанцы ночами не спят в мыслях о выходе из её состава.

Вторая из древнейших

Вратарь «Ливерпуля» Брэд Джонс: – Это О? Я против таких футболистов играю каждый день.

Прочитав такой заголовок на сайте газеты «Советский спорт» невольно вздрагиваешь. Неужели этот товарищ настолько глуп? Вдруг форвард «Анжи», пусть даже не один из сильнейших в мире, каким признают его знатоки, возьмёт и накидает ему за спину пару – тройку мячей? Такая у него пойдёт игра в этот день..

И как тогда будет выглядеть автор столь пренебрежительного высказывания в его в адрес?

Читаю саму заметку, которую, газета передрала с клубного сайта «Ливерпуля»:

– Это О – фантастический нападающий, он столько лет выступает на высочайшем уровне. Так что против него нужно показывать свою лучшую игру. Но мне приходится это делать каждый день, ведь я выступаю в одной команде с Суаресом и Джеррардом. Мне не важно, против какого футболиста придется играть. В любом случае ты не хочешь пропускать голы, сказал Джонс.

Почувствуйте, как говорят в таких случаях, разницу между заголовком и содержанием.

А если бы речь шла о вещах куда более серьёзных, чем футбольный матч?

Немного переставил слова, чуть-чуть сместил акценты... Формально – то к заголовку сложно придаться.

Зато, как поднимает рейтинг...

Чего не сделаешь ради денег.

Ветви власти

У нас в кабинете каждого руководителя должен присутствовать портрет главы государства или республики. А лучше – и того, и другого.

Никакими регламентами это вроде бы не предусмотрено, но соблюдается неукоснительно.

Стоит смениться власти, как сразу же происходит и смена портретов.

Смыслы можно усматривать разные, но лично для меня в этом присутствует какой-то налёт холуйства.

Возможно, это было вызвано моей повышенной мнительности, но в своих кабинетах я никогда не вешал портреты ни вождя мирового пролетариата, ни Генеральных секретарей, ни президентов – одни голые стены.

И, кстати, ни от кого, никогда никаких нареканий на этот счёт не имел.

А недавно довелось услышать историю об одном замечательном и, уверен, единственном в своём роде кабинете в прокуратуре республике, где за спиной его обитателя висел портрет какого-то дяди в папахе.

Посетители всегда обращали на него внимание и никак не могли понять, руководителем какой ветви власти является этот персонаж.

Никому и в голову не приходило, что он являлся руководителем самой главной для сидевшего под ним человека ветви власти – это был его отец.

Женский вопрос

Бояться жены, в моём понимании, значит бояться её обидеть. И всё поведение «подкаблучника», которым, кстати, меня в шутку обзывает младший сын, должно объясняться именно этим.

А не бояться могут только кретины или мужья, равнодушные в отношении своей половины.

Если же супруга не способна должным образом оценить такое отношение, то единственное лекарство, способное избавить от мук и скандалов обе стороны, – развод.

ИЛЬИЧ – ЭТО ГОЛОВА!

В советские времена перед зданием избербашского горкома КПСС стоял постамент с головой вождя мирового пролетариата. Именно с головой – даже без шеи, а не бюстом.

Вроде бы он стоит и сейчас.

Ну и правильно. Я никогда не одобрял войну с памятниками.

Вспомнил же я о нём потому, что не знаю, как сейчас, а тогда избербашцы гордились тем, что у них имеется памятник с самой большой в СССР головой Владимира Ильича Ленина.

Предатель

Как-то я написал очерк о дагестанском учёном, без преувеличения, мирового класса – химике Наби Магомедове, который в начале своей поразительной научной карьеры (американские коллеги считали, что он был достоин Нобелевской премии), погиб вместе с семьёй в автомобильной катастрофе. Она произошла в США, где наш земляк после окончания Санкт-Петербургского университета продолжил своё образование и занимался научной деятельностью в университетах Огайо, Гарварда и Рочестера.

Поразительной, как мне потом рассказали, была реакция некоторых членов редколлегии издания, когда очерк обсуждался перед публикацией.

Они вполне искренне обозвали Наби предателем, бросившим родину (!?).

Им и в голову не пришло, что, если уж говорить по совести, именно родина совершила предательство по отношению к нему и многим другим ему подобным, нашедшим возможность для реализации своего потенциала только за её пределами.

Родина, которая, паразитируя на энергоресурсах, стала рекордсменом мира по числу миллиардеров на душу населения, но не сподобилась создать условия тем, кто мог бы прославить её и способствовать преодолению отставание от стран, где такие условия имеются.

Или может, у нас, как в 41 году, немцы стоят под Москвой и пора создавать ополчение из «ботаников»?

А дезертиров – к стенке.

Через назад

Как-то моя супруга, которой потребовалась консультация врача, удручённо констатировала, что ей – тоже врачу очень сложно сделать свой выбор коллеги, профессионализму которого можно могла бы доверять безоговорочно. Настолько упал у нас уровень их подготовки и отношения к своему делу.

В качестве наглядного примера привела самое простое – нередко участковый врач сразу от дверей идёт осматривать больного, хотя сначала он обязан подойти к умывальнику и с мылом помыть руки.

Такое действие у каждого врача должно быть закреплено на рефлекторном уровне. А что говорить об остальном, если даже оно далеко не всегда соблюдается?

Это нехитрое правило у меня всплыло в памяти несколько лет спустя, когда заболел младший сын.

Врач скорой помощи сразу от дверей направилась к больному.

Завершила же она визит вопросом:

– Где у вас можно помыть руки?

Всё с ног на голову

Еврейская морда, или Мимино-2 (рассказ Магомеда Абидова – «Циклопа»)

Сидим как-то у меня за столом с Джафаром и Измуллой и, не помню почему, вспомнили Мишу – нашего друга, уехавшего в Израиль.

Джафар тут же собрался позвонить ему и просит телефон. А я ему говорю: Мы с него даже до Махачкалы не можем дозвониться не то, что до Израиля.

Ну, он набирает номер...

Дозвонился, стал говорить. Через некоторое время вижу – у него потекли слёзы. Тут Измулла иронично хмыкнул и говорит: Притворяется.

Джафар передаёт трубку моей жене Салимат и после нескольких слов она тоже в слезах.

Измулла опять: Притворяется.

Жена передаёт трубку дочери Бурлият – и у неё слёзы.

Измулла: Притворяется.

Бурлият передаёт трубку ему самому и через некоторое время у него тоже задрожали губы...

Я отбираю у Измуллы трубку и рычу в неё: Ты что это за яс¹, еврейская морда, устроил в моём доме?

А в ответ одни всхлипы.

И тут уже немного успокоившийся Измулла говорит: Ничего, ничего... Придёт время и будешь плакать уже ты.

– От чего это я буду плакать?

– От счёта, который пришлют тебе за эти переговоры.

¹ Оплакивание умершего

Календарь бабушки Зайнаб

Моя бабушка – Зайнаб была золотошвейкой. Не ради заработка, а для дома.

К великому сожалению, её я помню очень смутно, поскольку она умерла, когда мне было лет пять.

Зато прекрасно помню кисет, вышитый ею для своего супруга – моего деда Иман-Али, который дымил как паровоз.

А ещё у неё был свой календарь, которому в подмётки не годились все остальные календари мира.

Как рассказывала её дочь – моя тётя Уммукусум, если нужно было вспомнить о времени рождения кого —либо из своих детей, она говорила: – этот родился, когда зацвёл абрикос, тот – когда поспела вишня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.